

А.А. КАРАСЕВ
(Санкт-Петербург)

ЯВЛЕНИЕ ПОЛИСЕМИИ С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ БИОСЕМИОТИКИ

Язык рассмотрен как средство ориентирующего взаимодействия живых систем, а значение языковой формы – как определенное состояние нервной системы человека, устойчиво ассоциируемое с ситуацией взаимодействия в целом. Доказывается, что в результате регулярного повторения одной и той же языковой формы применительно к различным условиям коммуникации формируется устойчивое инвариантное ядро значения такой формы – лексический прототип.

Ключевые слова: биосемиотика, язык, знак, значение, полисемия, лексический прототип.

Цель данной статьи – изучить и продемонстрировать механизм развития полисемии с точки зрения биосемиотики. Биосемиотика представляет собой подход к изучению живых систем, с точки зрения которого основополагающими явлениями жизни являются производство знаков, обмен знаками и их интерпретация. При этом всякое взаимодействие любых форм жизни рассматривается как знаковое [15, с. 368–369].

Человек представляет собой живую систему, а следовательно, находится в процессе непрерывного знакового взаимодействия со своей нишей с целью адаптации к окружающей среде [16, с. 8]. В концепции У. Матураны человек является Наблюдателем, поскольку он наблюдает за актуализациями ниш других живых систем и своей в том числе. Важнейшим инструментом знакового взаимодействия выступает естественный язык, благодаря которому один Наблюдатель взаимодействует с другим как элементом собственной ниши. Изучать язык в отрыве от человека как живой системы нецелесообразно [6, с. 184], поскольку способность к языку обусловлена строением человеческого организма [13, с. 185].

С точки зрения биосемиотики, язык – это совместная деятельность (co-action), по меньшей мере, двух Наблюдателей [10, с. 5], суть которой заключается в оказании ориентирующего воздействия друг на друга с помощью знаков [5]. Она возникает, когда эти Наблюдатели оказываются замкнуты в области консенсуальных взаимодействий [17, с. 48]. Это

область, в которой происходит длительная и непрерывная деятельность Наблюдателей по спецификации и детерминации друг друга. В результате возникают общие для Наблюдателей значащие закономерности среды [18, с. 14], которые связаны со специфическими состояниями нервной системы Наблюдателей [6, с. 168–169], вызванными ориентирующим воздействием Наблюдателей друг на друга с помощью языковых знаков. Нервная система Наблюдателя фиксирует эти состояния в связке с языковыми формами, с актуальной ситуацией (контекстом в широком смысле) употребления этих форм, с жестами, интонацией, телодвижениями таким образом, что языковые формы имеют значение для Наблюдателя [10, с. 5].

Й. Хоффмейер трактует значение как «формирование отношения между воспринимающей системой (receptive system) и предполагаемым предметом, которое вытекает из действия знака, который сам каким-то образом связан с этим самым предметом» [15, с. 386]. Значение знака носит экологический характер, т.к. оно порождается в сознании Наблюдателя в результате интерпретации значимого элемента ниши [4, с. 314]. При этом некоторый элемент ниши (языковая форма. – А.К.) становится знаком (другой сущности. – А.К.), приобретая ценность, которая возникает как результат когнитивных взаимодействий [5]. Однако знак – это не физический предмет (thing) и не понятие (concept), это исключительно отношение, посредством которого воспринимающая его живая система систематизирует собственный мир [15, с. 373]. «Знак – это явление, распределенное среди элементов ситуации, и это, по сути, событие и его значение создается “на месте” как стечение обстоятельств. Как знак, так и его значение – это, прежде всего, события» [10]. Таким образом, значение знака – это местное (local) и контекстно обусловленное (situated) явление, причем контекстуальная обусловленность значения (situatedness) связывает его с конкретными жизненными процессами индивидуального организма [15, с. 386]: регулярный вызов из памяти данных знаков-событий способствует возникновению и развитию инвариантов стимульно-ответных моделей, специфических для конкретного организма. Воспоминание о таких состояниях в форме инвариантов становится со временем важным элементом структуры организма [10]. Устойчиво связанные с языковой формой (телом знака), такие воспоминания образуют зна-

чение языкового знака на уровне системы языка. Таким образом, как когнитивное явление, значение языкового знака – это некий «ассоциативный потенциал, представляющий, по существу, память индивида о предыдущих использованиях того или иного знака» [5]. В результате последовательного употребления знаков говорящими образуются упорядоченные системы значений [11, с. 6].

При этом значение не является застывшей структурой: прикладывая одну и ту же языковую форму к новым ситуациям взаимодействия, Наблюдатели постоянно модифицируют значение, исходя из текущих целей и задач общения [10]. Следствием этого является полисемия. В русле рассматриваемого подхода полисемию можно описать следующим образом.

Наблюдатель живет в мире физических предметов [17, с. 55], взаимодействуя с которыми создает их описания, т.е. перечисляет их признаки [16]. Взаимодействия с описаниями создают репрезентации, например, значения языковых форм. Следовательно, при номинации (означивании) Наблюдатель выделяет существенные, на его взгляд, признаки описываемого элемента ниши и ассоциирует с формой знака именно эти признаки, но не сам элемент. При осмыслении Наблюдателем результатов языкового взаимодействия с другим Наблюдателем возникает денотация [17, с. 50] – и значение становится элементом системы языка. При взаимодействии Наблюдателя с элементами ниши, имеющими одинаковые признаки, или «смежными» во времени или пространстве, Наблюдатель сопоставляет данные элементы и использует языковую форму, служащую знаком хорошо известного ему элемента ниши для обозначения нового. Данные явления известны как метонимический и метафорический переносы. При этом происходит не перенос значения, а образование нового, т. к. в опыте Наблюдателя фиксируется новое отношение между состоянием его нервной системы и обозначаемым набором признаков. При регулярном повторении, как и в случае первичной номинации, это новое состояние четко и однозначно ассоциируется у Наблюдателя с языковой формой. Например, прилагательное *bright*, обозначая признак элемента ниши, источающего интенсивный свет, вызывает в памяти Наблюдателя воспоминание о взаимодействии с таким элементом. Следовательно, если Наблюдатель слышит, что некий предмет описывают как *bright* (например:

As it was a warm day with a bright sun overhead he walked in the shade wherever he could, то он на основании «контекстуальных подсказок» (contextualizing cues) [12, с. 418] с легкостью однозначно интерпретирует значение данной формы, сопоставляя его с имеющейся в его опыте устойчивой ассоциативной связью: $bright_1 \rightarrow giving\ out\ or\ reflecting\ much\ light$.

В данном случае прилагательное *bright* употреблено в своем номинативно-непроизводном значении, поскольку солнце описано как непосредственный источник яркого света. Однако в примерах *It was such a bright sunny day that there was quite a holiday feeling in the air* и *The rooms are bright and comfortable with full central heating, T.V. and hospitality tray* реализовано уже другое значение, поскольку ни день, ни комната не являются источниками света, но содержат в себе сам свет от такого источника – солнца. Наблюдатель видит, что в течение дня светит яркое солнце, поэтому такой день, т. е. отрезок времени, когда светит яркое солнце, Наблюдатель описывает как имеющий такой же признак – *bright*. Во втором случае солнечный свет попадает в комнату через окна и заполняет пространство. В обоих случаях семьей, обеспечивающей соприкосновение признаков по смежности, является «наполненность» пространства или времени ярким светом. Следовательно, в данном случае прилагательное употреблено в метонимическом значении. Интерпретация значения возможна на основе имеющегося в памяти Наблюдателя устойчивого соответствия, которое можно сформулировать так: $bright_2 \rightarrow having\ a\ spatial\ or\ temporal\ relation\ to\ an\ object\ giving\ out\ or\ reflecting\ much\ light$.

Если учесть, что значения языковых форм характеризуются нечеткостью и размытостью [14, с. 210], то, вероятно, Наблюдатель интуитивно не делает различий между пространственными и временными «соприкосновениями» описываемых признаков. Главное – само наличие этой «смежности». В связи с этим можно предположить, что вербальная формулировка данного значения скорее выглядит так:

$bright_2 \rightarrow having\ a\ certain\ relation\ to\ an\ object\ giving\ out\ or\ reflecting\ much\ light$.

Рассмотрим следующие примеры употребления прилагательного *bright*: *Wearing a bright smile, she approached the reception desk. Bright comments enlivened the conversation; His secretary's voice was bright and cheerful*. Ни одна из двух предыдущих интерпретаций значения не подходит, поскольку *bright smile* и

bright voice не являются непосредственными источниками света и никаким образом с ними не соотносятся. Тем не менее Наблюдатель, опираясь на собственный опыт межличностного взаимодействия с другими, знает, как люди улыбаются и говорят в определенных ситуациях. Вероятно, широкая улыбка оказывает на Наблюдателя воздействие, аналогичное воздействию источника яркого света: видя, что человек «светится», Наблюдатель сравнивает улыбку с прототипическим источником света – солнцем. Яркий солнечный свет даже на физиологическом уровне вызывает положительные эмоции. Следовательно, сравнивая широко улыбающегося человека с солнцем, Наблюдатель делает вывод о том, что этот человек имеет позитивный эмоциональный настрой. Голос недоступен зрительному восприятию, поэтому в *bright voice* идея интенсивности света созвучна представлению об интенсивности звука. Другими словами, это, скорее всего, громкий и хорошо слышимый голос человека, имеющего позитивный эмоциональный настрой, что подтверждается контекстуальной подсказкой *cheerful*. Следовательно, интерпретация данных значений возможна на основе сравнения с источником света и с переносом интенсивности с видимого элемента ниши на слышимый. Актуальное значение можно описать как

*bright*₃ → cheerful, happy.

В связи с ограниченным объемом настоящей статьи не представляется возможным привести полный анализ актуальных значений прилагательного *bright*, поэтому далее представлены его результаты:

*bright*₁ → giving out or reflecting much light;
*bright*₂ → having a certain relation to an object giving out or reflecting much light;

*bright*₃ → cheerful, happy;

*bright*₄ → successful, full of hope;

*bright*₅ → well-distinguished;

*bright*₆ → intelligent, clever.

Следует отметить, что все приведенные интерпретации (после знака →) являются лишь приблизительными синонимическими заменами. На самом деле актуальные значения более расплывчаты и неопределенны. В конкретном случае Наблюдатель «переживает» только одно значение, т. е. одна форма всегда имеет только одно содержание. Однако следует сделать важное замечание. Интерпретация значений основана на телесном опыте, который существует в момент коммуникации. Этот опыт частично существует заранее, а частично создается в процессе коммуникации. Зна-

чения, таким образом, являются устойчивыми состояниями, но в некоторых случаях они могут быть новыми – возможны «промежуточные варианты значений» из-за того, что говорящий в новой для себя обстановке создает новое нечеткое описание [10], поэтому теоретически количество актуальных значений прилагательного *bright* может быть гораздо больше, чем представлено выше.

Тем не менее Наблюдатель, как было сказано выше, выделяет у описываемых сущностей только наиболее существенные для данного конкретного случая признаки. Следовательно, можно предположить, например, что при многократной интерпретации актуальных значений *bright*₃, *bright*₄, *bright*₅ и *bright*₆, а также возможных «промежуточных» значений у Наблюдателя складывается единая инвариантная структура знания, позволяющая продуктивно пользоваться данной языковой формой: успешно интерпретировать значения и создавать новые описания. Поскольку все четыре лексико-семантических варианта (ЛСВ) образованы на основе признака сравнения с «прототипическим» источником света, то инвариантная структура, скорее всего, может быть описана как *bright*_{3,4,5,6} → as if giving out reflecting much light. Данное обобщенное значение является, вероятно, частью более развернутого инвариантного значения, общего для всех ЛСВ прилагательного *bright*. Его можно обозначить как:

bright → giving out or reflecting much light, having a certain relation to an object giving out or reflecting much light, or as it were.

Данная сложная инвариантная структура языкового взаимодействия является лексическим прототипом прилагательного (ЛП) *bright* [1, с. 81].

Существование ЛП важно потому, что, как писал Гийом, перед изучением актуальных контекстных значений полисемантического слова следует сначала восстановить системное значение [3, с. 83]. Лексический прототип представляет собой минимальный набор самых существенных, с точки зрения Наблюдателя, признаков, достаточных для адекватной интерпретации актуального значения [7, с. 8], и является, вероятно, системным значением слова в телесном опыте (памяти) Наблюдателя на уровне системы языка, которое обеспечивает функционирование слова в речи [9, с. 269]. Системное значение существует как часть структуры Наблюдателя, а потому скрыто от прямого доступа. Однако его можно вывести из зафиксированных актуальных значе-

ний слова [2, с. 110]. ЛП следует выводить с учетом всех лексико-семантических значений слова. Процедура вывода ЛП показана в [8] и [9]. Например, представленная в настоящей статье формула ЛП прилагательного *bright* была выведена на основе анализа словарных дефиниций с последующей интерпретацией ЛСВ на основе номинативно-непроизводного значения (ННЗ). Формула ЛП «giving out or reflecting much light, having a certain relation to an object giving out or reflecting much light, or as it were» отражает три основных типа значения: 1) номинативно-непроизводное – «giving out or reflecting much light»; 2) метонимические – «having a certain relation to an object giving out or reflecting much light»; 3) метафорические – «as it were».

Если проанализировать некоторые случаи употребления (ЛСВ) прилагательного *bright*, то можно убедиться, что все они возможны благодаря знанию Наблюдателем ЛП.

Итак, с точки зрения биосемиотики, полисемия – это опыт использования Наблюдателем одной и той же языковой формы применительно к описанию различных элементов своей ниши в целях оказания ориентирующего воздействия на другого Наблюдателя в различных ситуациях коммуникации. Возможность использовать знак одного элемента ниши для означивания другого основана на общих для этих элементов признаках. Следовательно, в результате регулярного употребления многозначной формы эти признаки, вероятно, объединяются в памяти Наблюдателя таким образом, что образуют инвариантный набор, устойчиво ассоциирующийся у Наблюдателя с телом знака. В дальнейшем при необходимости вторичного наименования Наблюдатель руководствуется уже этими «выкристаллизованными» инвариантными признаками, которые он находит также в описываемом элементе ниши. Данные инвариантные признаки составляют содержательное ядро значения, или ЛП слова, который возникает как часть жизненного опыта индивида по использованию конкретной языковой формы в релевантных контекстах, а также в результате собственных предыдущих наблюдений за собеседниками, действующими таким же образом.

В качестве общего вывода следует сказать, что ЛП является следствием естественных биосемиотических процессов, отражая опыт предшествующего использования полисемантической языковой формы и обеспечивая дальнейшую возможность ее употребления.

Литература

1. Архипов И. К. Коммуникативный цейтнот и прототипическая семантика // Изв. Рос. гос. пед. ун-та им. А. И. Герцена. 2004. №4(7). С. 75–84.
2. Архипов И. К. Язык и языковая личность. СПб., 2008.
3. Гийом Г. Принципы теоретической лингвистики. М., 1992.
4. Златев Й. Значение = жизнь (+ культура): Набросок единой биокультурной теории значения // *Studia Linguistica Cognitiva*. Вып. 1: Язык и познание: методологические проблемы и перспективы. М., 2006.
5. Кравченко А.В. Биологическая реальность языка. URL : <http://www.academia.edu/2602848/> (дата обращения: 10.05.2013).
6. Кравченко А.В. Знак, значение, знание. Очерк когнитивной философии языка. Иркутск, 2001.
7. Левчина И.Б. Развитие семантической структуры синестезических прилагательных : автореф. дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2003.
8. Никитин М.В. Курс лингвистической семантики. СПб., 2007.
9. Песина С. А. Методика определения содержательного ядра многозначного существительного английского языка // Изв. Рос. гос. пед. ун-та им. А.И. Герцена. 2005. №5 (11). С. 51–59.
10. Ширяева А.В. Прототипическая семантика как основание синонимии глаголов // Изв. Рос. гос. пед. ун-та им. А.И. Герцена. 2008. №54. С. 260–274.
11. Arkhipov I. Biology of Cognition, Biosemiotics, and Second Language “Acquisition” // *Cognitive Dynamics in Linguistic Interactions* ed. by A. Kravchenko. Newcastle Upon Tyne: Cambridge Scholars Publishing, 2012. P. 185–213.
12. Cowley S. J. Distributed language: Cognition beyond the brain. URL : http://www.academia.edu/1553284/Distributed_Language_cognition_beyond_the_brain (дата обращения: 10.05.2013).
13. Cowley S. J. Meaning in Nature: Organic Manufacture? // *Biosemiotics*. 2008. Vol. I. I. 1. P. 85–95.
14. Cowley S.J. Steffensen S. V. Thibault P. Living in the Social Meshwork: the Case of Health Interaction // Cowley S.J. and others (Eds.) *Signifying Bodies: Biosemiosis, Health and Interaction*. Braga, 2010. P. 277–243.
15. Cowley S.J. Language and Biosemiosis: Towards Unity? // *Semiotica*. 2006. V. 162. P. 414–444.
16. Deacon T.W. *The Symbolic Species: The Co-Evolution of Language and the Brain*. N. Y., 1997.
17. Hanks P. Do word meanings exist? // *Computers and Humanities* 34. Trier, 2000. P. 205–213.
18. Hoffmeyer J.A. Biosemiotic Approach to the Question of Meaning // *Zygon: Journal of Religion and Science*. 2010. 45/2. P. 367–390. URL : http://www.zygonjournal.org/issue2010_2.html (дата обращения : 10.05.2013).

19. Kravchenko A. From Language Myth to the Ecology of Language. URL : http://www.academia.edu/1956640/From_the_language_myth_to_the_ecology_of_lalanguagi (дата обращения: 10.05.2013).
20. Maturana H.R. Biology of Cognition // Maturana H., Varela F.J. Auto-poiesis and Cognition: The Realization of the Living. Dordrecht, 1972. P. 2–62.
21. Maturana H.R. Biology of Language: The Epistemology of Reality // Miller G. A., Lennenberg E. Psychology and Biology of Language and Thought: Essays in Honor of Eric Lennenberg. N. Y., 1978. P. 27–63.
22. Steffensen S. Beyond mind: an extended ecology of languaging” // Distributed Language / S.J. Cowley (ed.). Amsterdam, 2011. P. 185–210.
23. Varela, F. Autopoiesis and a biology of intentionality // B. McMullin & N. Murphy (eds.). Autopoiesis and perception: A workshop with ESPRIT BRA 3352. Dublin, 1992. P. 4–14.
- * * *
1. Arhipov I. K. Kommunikativniy tseytnot i prototipicheskaya semantika // Izv. Ros. gos. ped. un-ta im. A. I. Gertsena. 2004. №4(7) . S. 75–84.
2. Arhipov I. K. Yazyk i yazykovaya lichnost. SPb., 2008.
3. Giyom G. Printsipy teoreticheskoy lingvistiki. M., 1992.
4. Zlatev Y. Znachenie = zhizn (kultura): Nabrosok edinoy biokulturnoy teorii znacheniya // Studia Linguistica Cognitiva. Vyip. 1: Yazyk i poznanie: metodologicheskie problemy i perspektivy. M., 2006.
5. Kravchenko A.V. Biologicheskaya realnost yazyka. URL : <http://www.academia.edu/2602848/> (data obrascheniya: 10.05.2013).
6. Kravchenko A.V. Znak, znachenie, znanie. Ocherk kognitivnoy filosofii yazyka. Irkutsk, 2001.
7. Levchina I.B. Razvitie semanticheskoy struktury sinestezicheskikh prilagatelnykh : avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. SPb., 2003.
8. Nikitin M.V. Kurs lingvisticheskoy semantiki. SPb., 2007.
9. Pesina S.A. Metodika opredeleniya sodержatel'nogo yadra mnogoznachnogo suschestvitelnogo angliyskogo yazyka. // Izv. Ros. gos. ped. un-ta im. A.I. Gertsena. 2005. №5 (11). S. 51–59.
10. Shiryayeva A.V. Prototipicheskaya semantika kak osnovanie sinonimii glagolov // Izv. Ros. gos. ped. un-ta im. A.I. Gertsena. 2008. №54. S. 260–274.
11. Arkhipov I. Biology of Cognition, Bio-semiotics, and Second Language “Acquisition” // Cognitive Dynamics in Linguistic Interactions ed. by A. Kravchenko. Newcastle Upon Tyne: Cambridge Scholars Publishing, 2012. S. 185–213.
12. Cowley S. J. Distributed language: Cognition beyond the brain. URL : http://www.academia.edu/1553284/Distributed_Language_cognition_beyond_the_brain (data obrascheniya: 10.05.2013).
13. Cowley S. J. Meaning in Nature: Organic Manufacture? // Biosemiotics. 2008. V.1. I. 1. S. 85–95.
14. Cowley S.J. Steffensen S. V. Thibault P. Living in the Social Meshwork: the Case of Health Interaction // Cowley S.J. and others (Eds.) Signifying Bodies: Biosemiosis, Health and Interaction. Braga, 2010. S. 277–243.
15. Cowley S.J. Language and Biosemiosis: Towards Unity? // Semiotica. 2006. V. 162. S. 414–444.
16. Deacon T.W. The Symbolic Species: The Co-Evolution of Language and the Brain. N. Y., 1997.
17. Hanks P. Do word meanings exist? // Computers and Humanities 34. Trier, 2000. S. 205–213.
18. Hoffmeyer J.A. Biosemiotic Approach to the Question of Meaning // Zygon: Journal of Religion and Science. 2010. 45/2. R. 367–390. URL : http://www.zygonjournal.org/issue2010_2.html (data obrascheniya: 10.05.2013).
19. Kravchenko A. From Language Myth to the Ecology of Language. URL : http://www.academia.edu/1956640/From_the_language_myth_to_the_ecology_of_lalanguagi (data obrascheniya: 10.05.2013).
20. Maturana H.R. Biology of Cognition // Maturana H., Varela F.J. Auto-poiesis and Cognition: The Realization of the Living. Dordrecht, 1972. S. 2–62.
21. Maturana H.R. Biology of Language: The Epistemology of Reality // Miller G. A., Lennenberg E. Psychology and Biology of Language and Thought: Essays in Honor of Eric Lennenberg. N. Y., 1978. S. 27–63.
22. Steffensen S. Beyond mind: an extended ecology of languaging” // Distributed Language / S.J. Cowley (ed.). Amsterdam, 2011. S. 185–210.
23. Varela, F. Autopoiesis and a biology of intentionality // B. McMullin & N. Murphy (eds.). Autopoiesis and perception: A workshop with ESPRIT BRA 3352. Dublin, 1992. S. 4–14.

Polysemy phenomenon from the point of biosemiotics

Language is regarded as the means of orienting interaction of live systems, and the meaning of language form as a definite condition of human's nervous system associated with the situation of interaction in whole. There is proved that as the result of regular repetition of one and the same language form applied to various conditions of communication there is formed the steady invariant core of the form's meaning – lexical prototype.

Key words: *biosemiotics, language, meaning, polysemy, lexical prototype.*

(Статья поступила в редакцию 18.06.2013)